Лихоманов Ким Владимирович

"ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ" СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС ДЛЯ МЕДИЕВИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ А. Я. ГУРЕВИЧА)

В статье на примере работ историка А. Я. Гуревича рассматривается проблема лингвистического анализа правовых текстов эпохи Средневековья, нуждающегося в глубоком изучении семантических конструкций языка, основанном на методах изучения истории культуры. Как убедительно показывает А. Я. Гуревич, социально-экономическая реальность человека Средневековья воссоздается в источниках через призму его мышления и ментальности, в полной мере отображающейся в языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 88-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Кошелева А. И.** Проповедническая деятельность приходского духовенства в епархиях Среднего Поволжья в пореформенный период (на примере Пензенской и Самарской епархий) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 2 (6). С. 38-39.
4. **Пензенский епархиальный вестник** (ПЕВ). Официальный отдел. 1882. № 1. С. 2-3.
5. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 796. Оп. 442.
6. **РГИА.** Ф. 1284. Оп. 223.
7. **Шевнина О. Е.** Благотворительная деятельность средневолжской дворянской корпорации в сфере образования (1870-1890-е гг.) // Университетское образование (МКУО-2013): сборник статей XVII международной научно-методической конференции, посвященной 70-летию образования университета / под ред. В. И. Волчихина, Р. М. Печерской. Пенза, 2013. С. 455-456.

CHURCH CHARITY IN PENZA EPARCHY IN THE 1880-1890S

Kosheleva Alla Igorevna, Ph. D. in History
Penza State University
alla-kosheleva@mail.ru

The article is devoted to the issue of the charity of the Russian Orthodox Church in Penza eparchy in the 1880-1890s. Most work was done in this field by Penza monasteries. The Orthodox monasteries supported and serviced almshouses, hospitals, colleges, and schools. The eparchial periodical press contains examples of the charitable activity of some representatives of the parish clergy.

Key words and phrases: The Russian Orthodox Church; Penza eparchy; charity; monastery; almshouse; hospital; college; the clergy.

УДК 03.23.07
Исторические науки и археология

В статье на примере работ историка А. Я. Гуревича рассматривается проблема лингвистического анализа правовых текстов эпохи Средневековья, нуждающегося в глубоком изучении семантических конструкций языка, основанном на методах изучения истории культуры. Как убедительно показывает А. Я. Гуревич, социально-экономическая реальность человека Средневековья воссоздается в источниках через призму его мышления и ментальности, в полной мере отображающейся в языке.

Ключевые слова и фразы: средневековое право; земельная собственность; история культуры; лингвистика; одаль; фольклend; скандинавские саги.

Лихоманов Ким Владимирович
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
AlisterOrm@gmail.com

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЕКСТОВ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС ДЛЯ МЕДИЕВИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ А. Я. ГУРЕВИЧА)©

Историк, изучающий памятник письменной культуры, поневоле вынужден переводить его в собственную языковую грамматическую и стилистическую систему. Чтобы избежать смысловых искажений, он должен уделять особое внимание семантическим единицам – терминам, содержащимся в источнике, их внутреннему содержанию, отражающему время создания памятника.

В сфере внимания историков, изучающих правовые памятники Средневековья (судебники, актовые материалы, описи и др.), часто оказывалась проблема их интерпретации. В ее составе – вопрос о «лингвистическом расколе», отмеченном ещё М. Блоком [5, с. 82], т.е. билингвизме средневековых текстов. В особенности это касалось правовых памятников, составляемых на латыни, в которых «родная» терминология заменялась на понятия, характерные для римского права.

Споры вокруг «собственности» среди экономистов, юристов, социологов, философов, историков не утихают по сей день. Как пишет современный американский экономист, «*собственность была той линзой, которая позволяет исследовать кажущиеся несвязанными события*» [2, с. 12]. Это уже в 1960-1970-е гг. сумел исследовательски по-новому понять А. Я. Гуревич, труды которого стали главным материалом статьи.

Работы А. Я. Гуревича полноценно вошли в русскую и в мировую историографию, отдельные аспекты его научного наследия уже рассматривались отечественными и зарубежными авторами. В России написаны общие очерки его творчества [17], есть и воспоминания о нем [1; 21]. Исследовательских статей пока немного, и посвящены они в основном его концепции «средневековой личности» [15; 20]. В зарубежной историографии

© Лихоманов К. В., 2015

сделано больше: ряд работ рассматривает творчество российского историка в сравнении с трудами сторонников школы «Анналов» [3; 16] (выделим монографию Л. Шольце-Иррлиц [30]) и с советской историографической традицией [28]; изучаются также отдельные аспекты его наследия [4; 22]. Вышли два сборника в США [29] в 2010 г. и в России в 2011 г. [19], их интернациональный состав говорит о большом интересе к трудам и личности А. Я. Гуревича в мировой науке.

В данной статье выясняется, каким образом А. Я. Гуревич пришёл к выводу о необходимости новых методов изучения социальной действительности, какую роль он отводил материалам истории культуры, их терминологии и способам ее трактовки. Нас, прежде всего, будут интересовать «скандинавские» работы А. Я. Гуревича, так как именно обращение к письменным памятникам древней Норвегии привело историка к коренному перевороту в понимании методов исторического познания. Прежде всего, мы обратимся к трактовке в трудах А. Я. Гуревича раннесредневековых форм аллодиальной земельной собственности – в частности, древненорвежского одаля, через которую отчетливо просвечивают новые подходы.

В совокупности они знаменовали собой методологический переход. Он наиболее ясно выражен в трёх монографиях – «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (1967) [13], «Генезис феодализма в Западной Европе» (1970) [7], «Норвежское общество в раннее средневековье» (1977) [10], а также в нескольких в это же время написанных статьях, где А. Я. Гуревич подводит итоги того или иного этапа изучения права собственности – «Представления и отношение к собственности в Средние века» (1972) [25], и проблеме билингвизма – «Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм» (1975) [14].

Для понимания сделанного А. Я. Гуревичем необходимо начать с некоторых важных методологических и историографических замечаний. В отечественной историографии исследование права собственности играло огромную роль и разрабатывалось в рамках направления «аграрной истории». Оно связано с именами П. В. Виноградова (1854-1925), Н. И. Кареева (1850-1931), М. М. Ковалевского (1851-1916), Е. А. Косминского (1886-1959), А. И. Неусыхина (1998-1969). Их труды переводились на английский, немецкий, французский языки и остаются полноценной частью европейской / мировой историографии. В сферу интересов названных исследователей входил достаточно широкий круг вопросов: генезис феодализма, отношения собственности, общинные институты, структура большой семьи и иные сюжеты, связанные с социально-экономической стороной жизни общества эпохи Средневековья. В рамках направления аграрной истории были выработаны методологические приёмы, позволяющие выделять из серийных источников информацию об эволюции общества, формах социальной самоорганизации, становлении и развитии разных типов эксплуатации. Укажем на главный момент: в советской историографии право «собственности» изучали через призму поземельных отношений – анализировали памятники права и хозяйственную документацию, исследовали юридические формулировки источника, пытались определить уровень развития производительных сил. Результаты исследований прочно вписывались в марксистскую теорию генезиса феодализма – превращения коллективных форм собственности в частные и ее дальнейшего отчуждения от непосредственного производителя-крестьянина в пользу феодального сеньора [23, с. 146-147].

Исследователям, разрабатывавшим методы изучения форм собственности в раннее Средневековье, особенно важным представлялся вопрос о сущности так называемого «аллода» – земельного владения, характеризуемого полной свободой распоряжения. «Аллод» известен, прежде всего, по франкским источникам – «Салической правде» («Lex Salica», нач. VI века), «Эдикту Хильперика» (втор. пол. VI века), где подробно разобран порядок его наследования. В советской историографии середины XX в. преобладала версия А. И. Неусыхина, который усматривал в «аллоде», прежде всего, право наследования как таковое, где имели место «ранняя форма» – неотчуждаемая земля, наследуемая в пределах рода, и «полная» – полноценная частная семейная собственность [18, с. 11-12].

Здесь и обратимся к А. Я. Гуревичу. Он как ученик Е. А. Косминского и А. И. Неусыхина в 1950-1960-е гг. занимался историей донорманнской Англии и раннесредневековой Норвегии. В центре его внимания, также в немалой степени, были формы поземельных отношений – структура землевладения «большой» семьи [6], формы феодальных пожалований [11], общинные отношения [8]. Однако с середины 1960-х гг. он поставил новые вопросы к привычным источникам и обратился к иному исследовательскому инструментарию.

По результатам работы им были написаны названные выше монографии, а затем не менее интересные с точки зрения метода «Категории средневековой культуры» (1972), «Проблемы средневековой народной культуры» (1981), «Культура и общество средневековой Европы глазами современников» (1989), «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» (1990).

А. Я. Гуревич столкнулся с проблемой языка текста ещё во время работы над кандидатской диссертацией. Изучая законы и актовый материал донорманнской Англии, он встретился с проблемой билингвизма, поскольку документы часто составлялись на двух языках – англосаксонском и латинском. До него А. И. Неусыхин также не раз прибегал к анализу памятников права на двух языках, однако акцент делал на уточнении *латинской* терминологии [18, с. 54]. Его ученик подошёл к этому вопросу с другой стороны. Он обнаружил неизменное явление: при переводе англосаксонских терминов на латынь происходила «подгонка» языковой терминологии под категории римского права. Учёный выявил, что терминология, характерная для обоих языков и принадлежавшая двум социальным реальностям, при переводе искажалась и предлагала столь же искаженную картину социума. В статье 1975 г., во многом подводя итоги изучения памятников, А. Я. Гуревич заключает в отношении аграрно-фискальных обстоятельств: «*Если в буквальном понимании латинского текста грамот, вышедших из канцелярии ранних английских королей, взору историка рисуются земельные владения,*

поместья, населённые крестьянами-держателями, то при сопоставлении этих текстов с записями на народном языке создаётся совершенно иная картина: податные округа с определённым числом условных фискальных единиц» [14, с. 103-104]. Как было выявлено А. Я. Гуревичем, под латинскими терминами *villa* и *manor* скрываются англосаксонские понятия *folcland* и *bocland*. Эти термины требовали расшифровки. Молодой историк шёл вслед за Ф. Мэтландом, английским исследователем, толковавшим *bocland* как правовой институт, созданный королевской властью для «кормления» своих приближённых [11, с. 70].

Институт *folcland* во многом оставался загадкой, в руках исследователей было мало источников, да и те – почти все на латыни. Социальные реалии, характерные для англосаксонской Британии, при переводе в знаковую систему иного языка, подвергались существенному искажению – архаичные понятия древнего права подменялись терминами, характерными для римского права. А. Я. Гуревич для решения этой проблемы решил прибегнуть к методу «компаративистики», сравнить памятники англосаксонского права со скандинавскими, которые типологически казались ему схожими. Это решение обозначило в его судьбе «методологический поворот», он начался в середине 50-х гг., когда исследователь принялся изучать норвежские судебники – «Gulatingslovi» и «Frostothingslovi» (XIII в.), а также данные археологии. На этом этапе А. Я. Гуревич продолжал оставаться историком-марксистом, сторонником «аграрной школы» А. И. Неусыхина, в «вопроснике» которого уже содержались темы для изучения. Поэтому исследования А. Я. Гуревича касались изначально большой семьи [6], общины [9], проблемы феодальной эксплуатации [12]. Новым моментом было сопоставление норвежских форм собственности с англосаксонским фольклендом и франкским аллодом. Оно открыло феномен «odal». Термин *odal* фигурировал в норвежских судебниках наравне с *eign*, означавшим также «земельное владение». Согласно «Frostothingslovi», земля приобретала статус *odal* только после того, как один род владел ею на протяжении трёх поколений. Если *eign* трактуется законом как собственность, подлежащая отчуждению и купле-продаже, то *odal*, в глазах А. Я. Гуревича, – более сложное понятие: «*земля не является объектом свободного распоряжения или личного обладания… она – собственность всего коллектива, и не может быть отчуждена за его пределы*» [13, с. 136].

Как выявил А. Я. Гуревич, *odal* – прежде всего, обозначение особого социального статуса *владения* семьи, рода. Несмотря на то, что судебники предполагают раздел владения, передача статуса *odal* крайне затруднена, и род, отказавшийся от земли или продавший её, мог с полным правом вернуть владение обратно. А. Я. Гуревич приходит к выводу, что в норвежском праве не возникает понятия свободного распоряжения землёй [25, p. 525-529], право одаля, ограничивающее распоряжение, остаётся в силе несколько столетий. При этом одновременно происходят разделы земли, распад больших семей, складывается крупная государственная собственность. Следовательно, земельное владение, в трактовке А. Я. Гуревича, является скорее не экономической, а социальной категорией: «*необходимо разграничивать понятия "семейная собственность на землю" и "частная собственность на землю", первое понятие предполагает особо тесную, неразрывную связь семьи с земельным владением, второе – неограниченную свободу распоряжения землёй…*» [7, с. 213].

Историк приходит к оригинальному толкованию права собственности на землю, характерному для германской архаичной традиции, исследуя особенности терминологии скандинавских судебников. Экстраполируя характеристики одаля на англосаксонский фольклend и франкский аллод, А. Я. Гуревич исследует «подразумеваемые» за этими понятиями реальные социальные структуры. Он пишет, что владельцы земельных участков, замкнутые аграрные коллективы – ячейки социальной самоорганизации – особым образом закрепляют за собой право обладания землёй. Изначальный коллективный владелец земли имеет на неё особые права, отчуждение её от семьи усложнено многими правовыми ограничениями [25, p. 529].

Таким образом, исследование правовых и языковых характеристик термина «odal», а также связанных с ними общественных отношений, выходит за рамки социально-экономической истории. *Odal* не просто отображает производственные отношения коллектива, но и является отражением социального статуса группы семей, традиций, картины мира. В данном случае речь идёт скорее о некой психологической связи со своим наследственным владением, находящимся в рамках мифологического сознания носителей собственнических прав.

А. Я. Гуревич, пытаясь найти ключ к мировоззренческой составляющей правовых отношений, расширяет круг источников, привлекая памятники литературы, а также обращается к инструментам источниковедения в рамках лингвистического подхода. Рассмотрим более подробно. В монографии, «Генезис феодализма в Западной Европе», А. Я. Гуревич одним из первых отечественных медиевистов начинает использовать методы структурной лингвистики. Так, он всесторонне рассматривает семантические единицы, применяемые к земельному наделу, обозначавшие на древнеанглийском языке «богатство». Учёный выявляет, что из пяти понятий, частотных в древнеанглийских законах («Законы Инэ», V век; «Законы Этельберта», VII век; «Законы Эдмунда», X век и пр.), ни одно не имеет значения «богатство-собственность» (например – *wlouc* – «богатство-гордость», *ar* – «богатство-честь-благополучие» и т.д.). Его общий вывод таков: «*слова… которое обозначало бы богатство исключительно как хозяйственное… явление, в древнеанглийском языке вообще не было*» [7, с. 218]. Позже, в статье о языке исторического источника и социальной действительности историк рассматривает примеры из скандинавских языков. Он обращается к толковому словарю 1957 г., выявляя значение ряда слов, которые так или иначе соотносятся с понятием «собственности», и показывает, что в текстах XI-XIII вв. они имели иные значения. Так, термин «*rikr*», в современном исландском языке обозначающий «богатство» [24, p. 499], в правовых и литературных текстах имел иные значения: «могущественный-властный-сильный» [14, с. 111]. Термин «*audigr*», также истолкованный в «Frostothingslovi» как «богатство», относящийся к собственности, имеющей статус «odal», также имел дополнительные значения «благополучие –

удачливость – счастье». Ученый нашел в этом новые аргументы по поводу того, что подобные термины, применимые к собственнику-бонду, имеющему «odal», обозначают не только материальное богатство. Они также обозначают социальный статус, положение в обществе («*тем, насколько наделен человек и его род везением, определяются и их социальный престиж и материальное богатство: этическая оценка стоит на первом месте*» [Там же, с. 105]). Мысль А. Я. Гуревича в данном случае постепенно подходит к выводу о важности более развёрнутой характеристики земельной собственности, особенно её архаичных форм.

Эти два подхода А. Я. Гуревич примеряет и к другим материалам. В статье «“Эдда” и право: комментарии к “Песне о Хюндле”» [26], опубликованной в Швеции, а позже вошедшей в качестве главы в монографию «Норвежское общество в раннее средневековье» (1977) [10, с. 325-338], историк рассматривает очень специфический источник – «Песнь о Хюндле» [27], включённой в некоторые списки «Старшей Эдды», но не ставшие частью её канонического собрания. «Песнь…» представляет воображаемый диалог великанши Хюндлы с богиней Фрейей. В нем присутствует сюжет, посвящённый судебной тяжбе спутника великанши Оттара с неким Ангантюром по поводу земельного владения. В данном случае историка интересовало, как персонажи «Песни…» относятся к этому институту владения, какое правовое толкование используют. Напомним, по «Песне…», Оттар пытается доказать своё право владение одалем. Апеллируя (по предположению А. Я. Гуревича) к нормам «Gulatingslovi» [10, с. 333], т.е. к разделам, касающимся наследования *odal*, великанша Хюндля перечисляет предков владельца *odal*, характеризуя их знатность, соединяя при этом реальную родословную с легендарной, пантеоном скандинавских героев и богов. На материале этой тяжбы А. Я. Гуревич заключает: «*одаль представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесённую на земельное владение и укоренённую в нём… тяжба из-за одаля оказывается элементом мифопоэтического построения…*» [Там же, с. 336]. Понятие «*odalborinn*» (бесспорный владелец одаля), или «*holdborit*» (здесь – «рождённый от *хольдов*», знатный человек) в сознании автора «Песни…» сливается с понятием «знатности» и «родовитости». Материал многих проанализированных текстов позволяет А. Я. Гуревичу сделать важный вывод, что такие понятия, как «*odal*», «*adal*» (знатность), «*gardr*» (усадьба), зачастую идут в связке друг с другом и обозначают в совокупности характеристику всей семьи, всего рода. Защита своего одаля, по мнению А. Я. Гуревича, – это не только борьба за собственность на земельный участок – он отстаивает честь своих предков («*Оттар… должен был осознавать, что он защищает наследие всех своих предков*» [Там же, с. 337]). Итак, согласно выводам историка, одаль – не столько правовое понятие, связанное с земельным владением, сколько целый мировоззренческий комплекс, для исследования которого нужна особая методология.

Характеристика способов изучения А. Я. Гуревичем института одаля позволяет понять, каким же путем историк пришёл к использованию методов исследования «текста», непривычных для классической «аграрной школы». Не удовлетворившись общими сведениями судебников, содержащих одностороннее толкование терминов, он обратился к источникам литературного характера – сагам. Их анализ помог дополнить и прояснить сведения правовых памятников, что, со своей стороны, повлекло перенос исследования из социально-экономической области в область культуры.

Насколько можно судить, научная продуктивность подобного анализа подвигла А. Я. Гуревича обратить взор на «континентальные» исторические источники. Стало ясно, что правовые источники, в которых содержатся сведения о социально-экономическом строе эпохи, являются неизбывным продуктом своего времени, своей культуры, «картины мира». Её изучению А. Я. Гуревич посвятил вторую половину своей творческой жизни.

Список литературы

1. **Баткин Л. М.** О том, как А. Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории: картина мира в народном и учёном сознании / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1994. С. 5-29.
2. **Бетелл Т.** Собственность и процветание. М., 2008. 480 с.
3. **Бёрк П.** Диалог Арона Гуревича с «Анналами» // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 42-57.
4. **Бжезинска А.** Средневековье Арона Гуревича в свете исторической семантики // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 82-106.
5. **Блок М.** Феодальное общество. М., 2003. 504 с.
6. **Гуревич А. Я.** Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее Средневековье (по судебнику Фростатинга) // Средние века. М., 1956. Вып. 8. С. 70-96.
7. **Гуревич А. Я.** Генезис феодализма в западной Европе // Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы, викинги. СПб., 2007. С. 189-343.
8. **Гуревич А. Я.** Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. М., 1955. Вып. 7. С. 27-46.
9. **Гуревич А. Я.** Норвежская община в раннее Средневековье // Средние века. М., 1958. Вып. 11. С. 5-27.
10. **Гуревич А. Я.** Норвежское общество в раннее Средневековье // Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009. С. 151-369.
11. **Гуревич А. Я.** Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. М., 1953. Вып. 4. С. 49-72.
12. **Гуревич А. Я.** Свободное крестьянство и феодальное государство в Норвегии X-XIII вв. // Средние века. М., 1961. Вып. 20. С. 3-31.
13. **Гуревич А. Я.** Свободное крестьянство феодальной Норвегии // Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006. С. 127-343.
14. **Гуревич А. Я.** Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Вып. 7. С. 98-111.

15. **Зарецкий Ю. П.** История средневекового индивида в исторической антропологии // Cogito: альманах истории идей / отв. ред. А. В. Кореневский. Ростов н/Д, 2006. Вып. 1. С. 405-424.
16. **Кром М. М.** А. Я. Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. М., 2006. № 81. С. 221-228.
17. **Лучицкая С. И.** Наследие историка и человека // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 68-83.
18. **Неусыхин А. И.** Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. М., 1956. 420 с.
19. **Образы прошлого**: сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. 752 с.
20. **Рейман Б. В.** «Возможные миры» новоевропейской культуры: по поводу спора о «личности» между Л. М. Баткиным и А. Я. Гуревичем // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Философские науки. Религиоведение. М., 2013. № 11. С. 203-211.
21. **Савчук В. С.** Мои «встречи» с А. Я. Гуревичем // Cogito: альманах истории идей / отв. ред. А. В. Кореневский. Ростов н/Д, 2006. Вып. 1. С. 424-437.
22. **Шмитт Ж. К.** А. Я. Гуревич и «категория» времени // Образы прошлого: сборник памяти А. Я. Гуревича. СПб., 2011. С. 42-57.
23. **Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1938. 176 с.
24. **Cleasby R., Vigfusson G., Craige W. A.** An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. 954 p.
25. **Gurevich A.** Representation et Attitudes a l'Egard de la Propriete pendant le Haut Moyen Age // Annales ESC. 1972. May-June. P. 523-547.
26. **Gurjewitsch A.** Edda and Law: Commentary upon Hyndloliod // Arkiv for nordisk filologi. Lund, 1973. Bd. 88. P. 72-84.
27. **Hyndloijod** // Edda, die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmalern. Niedelberg, 1962. P. 288-296.
28. **Marwick R. A.** Ia. Gurevich's Contribution to Soviet and Russian Historiography: From Social-Psychology to Historical Anthropology // Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects. Boston, 2010. P. 41-69.
29. **Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects.** Boston, 2010. 389 p.
30. **Scholze-Irrlitz L.** Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch. Frankfurt, 1994. 190 S.

"LINGUISTIC SPLIT" OF MEDIEVAL TEXTS AS A METHODOLOGICAL ISSUE FOR MEDIEVALISTS (BY THE EXAMPLE OF A. YA. GUREVICH'S WORKS)

Likhomanov Kim Vladimirovich
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
AlisterOrm@gmail.com

In the article by the example of the works of the historian A. Ya. Gurevich the author considers the problem of the linguistic analysis of the legal texts of the Middle Ages, which needs a profound study of semantic language constructions based on the methods of studying the history of culture. Gurevich brings out clearly that the socio-economic reality of the Middle Ages human being is reconstructed in the sources through the lenses of his/her thinking and mentality, which is fully represented in the language.

Key words and phrases: medieval law; landed property; history of culture; linguistics; odal; folkland; Scandinavian sagas.

УДК 111.8:124:179.7(38)
Философские науки

В статье проводится анализ метафизических оснований смерти и красоты в контексте философских парадигмальных установок древних греков, которые сходятся на рассмотрении мира как целостной, закрытой системы. Исходя из ценностно-информационного подхода, авторы обосновывают мысль, что смерть в античной философской традиции является необходимым явлением в информационно-космическом пространстве, в котором не учитывается информационная ценность личности, а главным основанием гибели «вещей» считается эстетический критерий красоты и гармонии функционирования системы – космос.

Ключевые слова и фразы: смерть; красота; космос; судьба; единое; суперпрограмма.

Лященко Максим Николаевич, к. филос. н.
Ляшенко Павел Васильевич
Оренбургский государственный университет
megamax82@rambler.ru; lyashenkopavel@rambler.ru

СМЕРТЬ И КРАСОТА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)©

Смерть – проблема из ряда сложных и непреходящих, которую пытается осмыслить не только научно-философский разум, но и любой рядовой ум перед которым хоть раз вставала дилемма «стоит или не стоит

© Лященко М. Н., Ляшенко П. В., 2015